

СТАБИЛЬНОСТЬ СВОБОДНОГО ПАДЕНИЯ

Три года назад принятие «ельцинской конституции» ознаменовало собой конец эпохи «революционных бурь» и вступление общества в полосу стабильности. Но стабильности, как и конституции, могут быть разными. Ельцинскую конституцию почти так же нельзя сравнивать с американской или немецкой, как и брежневскую, — у нее принципиально иные функции. Стабильность западных конституций — это стабильность формы, правил игры, в которой побеждают разные игроки, она предполагает нестабильность тех, кто стоит у власти. Стабильность ельцинской конституции — не формальна, а «содержательна». Ее функция — обеспечить власть определенного лица и группирующейся вокруг этого лица правящей олигархии. Она практически не создает противовесов президентской власти и оставляет для нее лишь одну опасность — сами президентские выборы.

Но немислимые ресурсы президентской власти и специфический характер нашей политической жизни — оппозиция, как бы специально сконструированная не для прихода к власти, а для запугивания обывателей и сохранения власти теперешней, — делают эту опасность минимальной.

Формально и в 1991 г., и в 1993 г. побеждали и закрепляли свою власть демократы-западники, но фактически именно с 1993 г., с ельцинской конституции и стабилизации мы отклонились от логики западной политической жизни, воспринятой сейчас большинством посткоммунистических стран. Теперь даже в таких странах с очень сомнительной демократической традицией, как Румыния, Молдова, Монголия, начал работать механизм ротаций. Пришедшие к власти на волне антикоммунистических революций романтики-демократы вскоре были оттеснены прагматиками из перестроившейся номенклатуры, а сейчас, похоже, начинается новая волна — возвращение «протрезвевших» демократов. Подобная смена власти и означает реально демократический характер политической жизни этих стран. И именно полная невозможность прийти к власти нашей основной оппозиционной силы, КПРФ (и ее никто не пустит, и сама она это понимает, только делая вид, что к власти стремится), означает сохранение основного принципа коммунистической (и вообще — недемократической, «азиатской») политической системы и политической культуры.

В самом деле, что дает Польше, Украине, Монголии, Молдове и т. д. смена власти? Во-первых, корректировку курса государственного корабля, который, естественно, заносит то слишком вправо, то слишком влево. Во-вторых, улучшение качества правящей элиты, ибо каждая ротация означает уход наиболее коррумпированных, бесталанных и просто — старых и больных. Наша стабильность соответственно имеет прямо противоположные последствия. Об экономических и социальных результатах нашего трехлетия стабильности говорить не получается — можно лишь стонать. «Качество» же нашей правящей элиты стало превосходящим всякое воображение.

Зададим традиционные вопросы — «кто виноват?» и «что делать?». Виновата, естественно, не Конституция, не придумавший ее Ельцин и даже не правящая верхушка. В конце концов «стабильность», от которой мы все страдаем, держится на нас самих. На нашей глупости, безволии, на характерной для нас смеси детской наивности и доверчивости и отнюдь не детского цинизма (типично русская фраза, невероятная в устах американца или европейца — «эти уже насосались, а новые,

голодные, будут еще больше воровать»). На нашем болезненном, идущем от неуважения к себе, от неуверенности в себе стремлении пугать всех вокруг и на нашей трусости — на том, что больше всех мы запугиваем самих себя и самими собой. На том, что наш народ не смог на выборах противопоставить Ельцину никого, кроме «бумажного тигра» КПРФ, которого сам же первый и испугался.

Но если виноваты в конечном счете мы сами, из этого вытекает и ответ на вопрос: «что делать?» Наша «стабильность» может сохраняться, наша верхушка может удерживаться у власти до тех пор, пока мы — такие. Пока то, что мы ей противопоставляем, — это «пугала», которыми мы запугиваем самих себя («держите меня или я сделаю что-то страшное, бунт мой — бессмысленный и беспощадный»). **КПРФ** и **ЛДПР**, порождения нашей бессильной озлобленности, переходящей в трусость и приспособленчество, — основные опоры и надежды нашего криминального режима. «Нормальный» же кандидат — противник Ельцина или какого-нибудь «верного ученика и продолжателя дела Ельцина», который не запугивал бы обывателя диктатурой, походом на юг и вагонами на север, но и не шел бы на сговоры и компромиссы с властью, который заставил бы людей поверить, что он — не фантом, а реальность, что из порочного круга «коммунно-фашисты или воры и убийцы» можно выйти, — был бы неодолим. Поэтому основная задача, стоящая перед всеми нами, — поверить в себя и свою нормальность, преодолеть свои собственные комплексы. Тогда кончится теперешняя стабильность свободного падения и мы выйдем (с некоторым опозданием по сравнению с Монголией) на нормальный путь ротации власти — единственный путь, способный привести нас к реальной стабильности и прогрессу. Рано или поздно это произойдет. Но если это произойдет через три с половиной года, мы будем догонять Польшу и Португалию. А если — через семь с половиной лет, то, очевидно, уже Ботсвану, которая, по оценкам независимых западных экспертов, сейчас имеет лучшие перспективы экономического развития, чем Россия.